

Надежда

ВИТВЕЧБЕРГ

*г. Орехово-Зуево,
 Московская область*

Нарциссы на голубом

рассказ

Лет десять назад, когда на моем плече вместо привычной теперь уже сумки висел школьный рюкзачок, иногда набитый толстыми, малопригодными для моей дальнейшей жизни книгами, я, внутренне не по годам зрелая и уже интересовавшаяся всем и вся, увидела на городской выставке в арт-галерее «Элефант» одну картину. Бледно-синее полотно холста, матовый успокаивающий цвет... На заднем плане — китайская беседка в мягких тонах, еще дальше — мост через речку. На переднем плане — куст нарциссов, нарисованный с необычного ракурса. Казалось, что он возвышался над всем, что находилось на полотне, будто бы и художник смотрел на него снизу вверх. Может, даже лежал на траве, обмакивая кисточку в утренний туман или росу, и рисовал этот сон. Отец рассказывал мне, будто, чтобы написать «Февральскую лазурь», художник Игорь Грабарь выкопал яму и стоял в ней на протяжении всей работы, чтобы изобразить величавую молочно-голубую небесную

синь, ее превосходство перед краткой стремительной жизнью человека. Царственные, задумчивые, но в то же время легкие нарциссы с картины городского художника, напротив, напомнили мне глубоко погруженного в свои мысли человека, в его, как говорят философы, самость. Наверно, не случайно возникла легенда о самовлюбленном юноше Нарциссе.

Я узнала цену этой работы и долгое время скапливала на неё школьные мелкие деньги. Помню, что и отец помог, — я приобрела-таки это полотно и повесила на видное место в своей маленькой комнатушке нашего разваливающегося загородного типового домика.

Прошло около пяти лет, многое из нашего старого дома переехало в новую двухкомнатную квартиру. Эту участь разделила и картина. На некоторое время она, неброская и синяя, потерялась в матовой синеве крашенных стен. Я вышла замуж, и мы планировали ребенка. Планировали недолго, потому что такая возможность представилась почти сразу.

Я, уже чуть округлившаяся и нежно-свободная, ходила по улицам города и мысленно здоровалась со знакомыми окнами многоэтажек, на которых лучами играло весеннее солнце. К сожалению, как это нередко бывает, после сильного стресса на работе я на раннем сроке попала в городскую больницу с диагнозом «начавшийся выкидыш» — я, такая взрослая и такая маленькая, двадцатидвухлетняя.

Палата, в которую меня поместили, не создавала радостного настроения и не внушала желания выздоравливать — большая и холодная, стены — бледно-зеленого неестественного цвета, растрескавшийся линолеум. На потолке горела одна-единственная лампа, напомнившая мне школу с её длинными сонными лампами, с трудом разгорающимися и обозначающими начало нового учебного дня.

Был воскресный день, и меня принимал дежурный врач. Медсестра несколько раз произнесла его фамилию: «Бульонов. Александр Васильевич Бульонов». И фамилия эта почему-то показалась мне очень знакомой. Меня попросили подойти в кабинет двадцать семь, в котором как раз и принимал этот врач. Я отворила дверь и увидела суховатого, невысокого седовласого мужчину лет семидесяти. Спина немного сгорблена, на лице — педантичная сосредоточенность, над темными, начавшими сесть бровями напряженно застыли ложбинки морщин, глубоко посаженные глаза, губы — тонкие, бескровные...

— Ну вот, девушка крупнее и здоровее меня, а попала к нам, — как-то по-отцовски сказал он своим глуховатым голосом.

Он осматрел меня и сказал, что беременность еще можно сохранить, попросил идти в свою палату — лежать, лежать и отдыхать.

Через некоторое время он снова зашел ко мне и заботливо-назидательным тоном попросил переложить подушку на другую сторону кровати.

— Так благоприятнее... — немного чудаковато заметил он и попрощался, сказав, что известит меня через некоторое время.

В ту ночь навещать меня Александру Васильевичу пришлось не раз. В агонии я металась по кровати, чувствуя резь и периодически возникающие боли, не могла заснуть. Старалась, как

умела, унять боль. Папа научил меня одной военной мудрости — называется «заговоренный кулак». Заключается она в том, что боль мысленно переносится с больного участка тела в кулак и достигается при помощи мышечных сокращений. Нужно сжимать и разжимать кулак со скоростью сокращающейся мышцы сердца, тогда головной мозг передает телу сигнал о том, что какой-то другой его участок нуждается во внимании, и боль уходит. В этом болезненном дурмане ночи и полном одиночестве я видела маленькие глаза Александра Васильевича, различала его подбадривающе-спокойный голос, а в голове моей почему-то шумела какая-то незатейливая песенка из тех, что можно услышать в транспорте или на улице, но какую вряд ли когда включу сама. Она была о самом простом и о самом главном. Наконец мой бред начал утихать, а на смену ему пришел проясняющийся туман утра.

Больница потихоньку стала наполняться женскими голосами, туда-сюда бегали медсестры, открывалась и закрывалась дверь. Кажется, про меня совсем забыли. Боль отступила, и в мозгу снова всплыла эта фамилия. Бульонов. Ну, конечно же! «А. Бульонов!» Именно так была подписана забытая мною картина в синей комнате такого далекого сейчас родного дома.

Наконец ко мне подошли.

— Александр Васильевич? — сонно спросила я.

— Нет здесь Александра Васильевича! — ответил визгливый женский голос. — Что же, он сутки напролет будет дежурить?!

— Простите... — прошептала я и снова провалилась в сон.

Очнулась, когда услышала два женских голоса в палате.

— А ведь у меня могла быть двойня, — говорил молодой, но хриловатый женский голос. — «Могла быть» — так сказал мой врач.

— Так зачем же сделала аборт? — спросил голос постарше.

— Мой настоял.

— Как это настоял?

— Он у меня эгоист. У него все есть, но, кроме себя, он ни о ком не думает.

— И давно вы женаты?

— Мы не женаты. Я замужем за другим.

– И как же твой муж отреагировал на всё это?

– Я ему сказала, что ребенок не его. И на семейном совете было решено... – она принялась плакать во весь голос.

– Тише, тише! Тебе сейчас нельзя плакать.

– А у меня только один яичник работает, мне доктор сказал, что я вообще не смогу забеременеть... – женщина продолжала плакать, но тише, словно заглывая рыдания.

– Ну, так ты дуручка! Для себя надо было рожать! Для себя! А не для мужей, не для любовников этих! Вот у меня похожая ситуация. Мне – тридцать шесть, а моему сыну восемнадцать скоро уже будет. Муж сказал – куда тебе второго, поздно уже. А сейчас зарплата... Маленькая такая, не потянем. Ну а любовник... Любовник в ногах валялся, просил, чтоб сохранила, чтоб только не убивала.

– Ну, а ребенок-то чей?

– Не знаю я чей. Да и поздно теперь уже. Дети в любви должны рождаться. А какая тут любовь?!

Молодой голос вроде как успокоился, сказал:

– Ну что, пора уже собираться. Дела есть, нечего здесь разлеживаться. Тебя хоть встретят?

– Нет. А тебя?

– И меня не встретят. Ну, тогда покурим и пойдем.

Я перевернулась на другой бок.

Ребенок должен быть рожден в любви... Наверное, так... Ребенок должен быть рожден в любви. Желание иметь ребенка непременно связано с сильным чувством любви. А любовь напрямую связана с движением. Чем сильнее любовь, тем больше воплощений ей нужно. Ребенок – это высшее воплощение любви. Мы же не хотим «просто детей»? Если да, то это, скорее, чувство няни, доброго учителя. И если мы вдруг разлюбили, то желание иметь детей уходит. Ведь это желание – священное чувство любящей женщины, просветленное и чистое. Наверное, женщина, готовая впустить в мир другую жизнь, подобна Богу...

С этими мыслями я снова погружалась в сон, за которым следовали болезненные уколы и редкие визиты лечащего врача. Я тогда уже понимала: меня запустили, мною не занимались. Кровотечение не было сильным, но не

прекращалось, голова очень кружилась, и я не могла дойти до уборной. Всё было пущено на самотек. Наверное, надо было заплатить. Кому именно, сколько, когда, за что? Я, маленькая взрослая, не знала об этом больничном мире почти ничего. Все четыре нескончаемых дня, что я провела там, я глотала тихие, видные одному только Богу слезы. Мы не знаем, почему Бог сохраняет жизнь одним, а у других отнимает, почему одна на восьмом месяце радуется, когда кто-то новый толкает ножкой ее животик изнутри, а другой, для того чтобы произвести на свет новую жизнь, приходится бороться годами. Счастливая, округленная и окрыленная другой жизнью, для большинства врачей я лишь человеческий материал, а маленькая смерть по их вине – просто брак в работе. И мне нужно жить, обязательно нужно как-то дальше жить своей жизнью, без той маленькой новой...

Так я потеряла своего первого ребенка. Мужчины-литераторы, пишущие в своих многостраничных важных романах сухие строки «она потеряла первого ребенка», никогда не поймут, что действительно за этим стоит. Это женская тайна, которую не познаешь, если ты не женщина. А женщины знают о ней, знают и молчат, потому что никакими словами невозможно передать ее другому.

Шел пятый день моего пребывания в зеленой палате, а вечером во время дежурства ко мне снова заглянул Александр Васильевич.

– Здравствуйте, как вы себя чувствуете? Нет, не надо, не отвечайте. Лежите как лежите. Я читал вашу историю (кажется, он единственный из врачей, кто читал). Ну, я вижу, что на лице вашем румянец. Знаете, я чувствую, что вы очень выносливая. До последнего боролись, держались. И сейчас... Не раскисаете. Мне кажется, что вы нацелены... Это очень важно. Не отпускайте эту цель, – сказал он и добавил, – и переместите вашу подушку, вы опять нехорошо лежите...

После этой реплики почему-то у меня не было сомнений. Это А. Бульонов, тот самый Бульонов, автор моей картины. И все его слова о неправильном расположении головы отдавали какой-то туманной синевой спокойной мудрости моего стройного куста нарцис-

сов, растущего сильно и смело на холодных камнях этой бренной земли.

— Александр Васильевич... А я знаю вас.

Доктор сделал удивленное лицо, впрочем, почти сразу удивление это сменилось привычной сосредоточенностью его суховатого, но теплого лица.

— Нет, конечно, не лично, просто... Однажды, будучи еще почти ребенком, я увидела вашу картину на выставке...

И я рассказала ему все.

Александр Васильевич ничуть не смутился, ниточка его губ слегка дрогнула и изобразила подобие улыбки.

— Да, я помню эту картину. Вас ничего не удивило в ней?

— Знаете, она до сих пор кажется мне загадочно-необычной... — я тоже чуть улыбнулась, вспомнив о его картине, сроднившейся с моим домом.

— Вы знаете, когда-то у меня был период... Я рисовал серию таких картин в определенном стиле. Понимаете, человек не может видеть с такого ракурса, с какого написана эта картина... Это ракурс кошки. Это ракурс маленького существа, которое видит с расстояния всего десяти-пятнадцати сантиметров от земли...

Я не стала спрашивать, почему существо смотрит именно на нарциссы. Может, потому что мы тоже так малы, но смотрим на себя и на

свое существование, видя в нем со стороны этот самый красивый и величественный куст нарциссов? Кто знает...

Александр Васильевич тихо-тихо улыбнулся в ответ моим мыслям и как-то загадочно сказал:

— Художник всегда поймет художника...

Больше я не видела его — он сразу ушел, не попрощавшись. Свет в палате выключили, но я не спала всю ночь. Внутри меня поднималось что-то озаренно-радостное, еще непонятное. Сразу память всколыхнула те школьные дни детства, откуда все и началось, а теперь оно стало незримой тонкой нитью жизни и смерти, которой судьба соединила на мгновение двух знакомо-незнакомых людей.

Дома после выписки меня ждал сюрприз. На серо-голубоватом паласе сидело маленькое существо и смотрело на меня своими крошечными беспомощными глазенками, смотрело с десяти сантиметров от пола. Это был маленький рыжий котенок. Эта крохотная жизнь подняла треугольничек своего махонького хвостика и, неуклюже мявкнув, заплетаясь в своих малюсеньких лапках, направилась ко мне...

□

Надежда ВИТВЕЧБЕРГ
(Надежда Валерьевна Сафронова)

окончила филологический факультет

Московского государственного областного гуманитарного института.

Пишет стихи, рассказы, эссе.

Автор двух поэтических книг: «Холодный огонь» (2012),

«Необъятная искра» (2013).

Лауреат (2009, 2011) и победитель (2013)

фестивалей-конкурсов художественного чтения «Слово»
в номинации «Собственные произведения».

Лауреат второго тура международного конкурса
малой прозы «Белая скрижаль-2012».

Двукратный лауреат

семнадцатого ежегодного открытого конкурса «Посадская лира».

Лауреат конкурса «Северная звезда-2013» в номинации «Проза».

Живет в г. Орехово-Зуево.

В журнале «Север» публикуется впервые.

